

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ КАК ОТРАЖЕНИЕ КРИЗИСА ОНТОЛОГИИ

М.Н. Чистанов

Появление философской онтологии приходится как раз на то время, которое в нашем сознании устойчиво связывается с рождением и бурным развитием новоевропейской науки, математизированного естествознания, у истоков которого стоят Галилей, Декарт и Ньютон. Мало того, онтология является фактическим «двойником» этой науки, ее своеобразным «заместителем», который занимает место натурфилософии, покинувшей свое традиционное место в основании философского знания. Понятно, что тесная связь науки и философской онтологии, своеобразный «параллелизм» в их развитии были подчас просто неизбежны, по крайней мере на первых порах, пока существовала устойчивая связь естествознания с породившей его средой, и курс естествознания в университетах продолжал именоваться курсом естественной, или натуральной, философии. В дальнейшем пути науки и философии расходятся, но жесткого их противопоставления первоначально все равно не было, как не было и междисциплинарных конфликтов. Каждая из теоретических дисциплин разрабатывала свое предметное поле, хотя в принципе подспудно признавалось, что речь и там, и там идет об одном и том же мире – мире сущего, просто анализируемом в разных отношениях.

В основных чертах процесс становления классической онтологии был закончен к середине XIX в. Поскольку первоначально сам термин «онтология» мыслился как синоним «метафизики», такая онтология с неизбежностью имеет метафизический привкус. Классический философский анализ реальности любого рода, будь то реальность чувственно воспринимаемого физического тела, реальность абстрактной математической конструкции или реальность непосредственно переживаемых психических феноменов, обязательно носит предметный характер. Иными словами, здесь классическая онтология всегда является онтологией объекта, вещественной онтологией.

Основные проблемы в соотношении науки и онтологии и, соответственно, попытки реформирования последней возникают в середине XIX в. На наш взгляд, они связаны с фундаментальными изменениями, произошедшими в европейской науке к этому времени. Здесь надо указать на два частично взаимосвязанных факта.

Первый из них – это бурное становление наук, изучающих человека, приходящееся на XIX в. Появление этих наук сразу резко осложнило применение ранее совсем неплохо зарекомендовавших себя классических научных методов. В науках, занимающихся изучением человека и общества как мыслящих и действующих предметов, с неизбежностью возникают проблемы, которые не были присущи классическому естествознанию.

Второй факт, повлиявший на судьбу философской онтологии, связан с кризисом в самом естествознании. Бурно развивающаяся наука наконец-то перешла границы чувственно осязаемой человеком-исследователем предметности и здесь остановилась в полном замешательстве. Оказывается, восприятие объекта даже на уровне чувственности не является чем-то совершенно очевидным, но, совсем наоборот, уже представляет собой результат деятельности сознания.

Таковы лишь самые общие тенденции, приведшие классическую философскую онтологию в середине XIX в. к ситуации, выход из которой в рамках традиционной философии так и не был найден. Эти противоречия вызвали появление новой онтологии, которая пытается примирить философскую и научную картины мира, используя новые философские техники. Такого рода попытки были сделаны в последующий, неклассический период. Онтологические системы, созданные в это время могли объявлять себя преемниками классических подходов либо, наоборот, подчеркивать свою радикальную инаковость по отношению к ним. В любом случае они должны были выявить новую онтологическую перспективу, устраняющую ограниченность классического, или, другими словами, метафизического, метода в философии.

Нет ничего удивительного в том, что чуть ли не единственный выход из создавшегося положения видится в формировании новой онтологии – «онтологии субъекта», которая была бы привязана уже к внутреннему миру сознания, однако парадоксальным образом эта новая неклассическая онтология начинает с того, что пытается избавиться от

сущностной характеристики субъекта – субъективности. Выражается это в целенаправленной антипсихологической позиции новой онтологии, которая характерна для всех ее основных разновидностей: философии неокантианского направления, феноменологии и неопозитивизма.

Важнейшим объединяющим признаком всех новых онтологий является их антиметафизическая направленность, направленность против сущего, предметности как цели и итога познания. Поэтому необходимым оказывается поиск каких-то других онтологических форм и, видимо, каких-то новых способов тематизации бытия, отличающихся от предметного мышления. Такая онтологическая основа может быть рассмотрена как некая исходная «данность», «открытость», которая впоследствии тематизируется как предметность нашим сознанием, но сама по себе не обладает предметной природой.

Главной задачей всех неокантианцев было обоснование возможности рационального научного метода, причем метода, который был бы эффективен во всех областях науки, в том числе новых. Для всех школ неокантианского направления характерен перенос фокуса внимания с онтологической проблематики на проблематику гносеологическую. Тем не менее онтологическая составляющая учения вовсе не исчезает окончательно и бесповоротно, – она просто принимает другую форму.

Риккерт, вслед за своим учителем Виндельбантом, пытается нащупать «средний» путь, равноудаленный как от «объективирующих», так и от «субъективирующих» концепций. Для этого он вводит особого рода онтологическую структуру – «мир смысла», не относящийся к действительному миру объектов, но и не являющийся порождением субъекта. Очевидно, что и познание такого мира возможно через особую процедуру, весьма, кстати, сложную и запутанную в описании:

«Но возможно ведь, что образование понятий, отправляющееся от этого акта переживания, совершается не в двух только уже известных нам, но в следующих *трех* различных направлениях: мы можем, во-первых, рассматривать переживание как часть чистой действительности, связанную с другими частями действительного бытия; во-вторых, мы можем совершенно отвлечься от всякой действительности и рассматривать переживание только с точки зрения ценности, подвергающейся оценке, и ее значимости; и наконец, в-третьих, мы можем, отказавшись от последовательного проведения обеих этих точек зрения, все же или, вернее, тем самым объединить их в одну. Последнее достигается тем, что мы в акте переживания видим лишь субъективное отношение к ценности, т.е. оставляем акт переживания, поскольку это возможно,

нетронутым, в его пережитой нами первичной непосредственности. Если же мы при этом будем предполагать понятие ценности и воспользуемся им в целях восполнения данного в акте переживания первого шага к образованию понятий, то мы в таком случае получим уже нечто большее, нежели простое переживание, мы получим тогда особого рода понятие, которое и будет заключать в себе искомое нами единство ценности и оценки. Тот самый акт переживания, в котором объективирующие науки, отделяя его от ценности, видят только простую психическую действительность, остается в данном случае связанным с нею и постольку становится даже для нас особого рода понятием, поскольку мы, исходя из ценности, «истолковываем» его в его значении для ценности, т.е. видим в нем субъективное отношение к ней. Так мы приходим к совершенно особому роду образования понятий, которое отлично от уже известных нам методов, не приводит ни к чистой действительности объектов, ни к чистым ценностям и посредством которого мы и постигаем единство ценности и действительности, поскольку такое понимание вообще возможно» [1].

Столь сложный механизм проникновения в этот «третий мир» фактически представляет собой метод «балансирования на краю» метафизики. Такой ход будет повторен во всех последующих попытках создания новой неклассической онтологии. Будучи «царством смысла», упомянутый третий мир не допускает ни объяснения, ни понимания, но требует особого «истолкования»: «Проникновение же в это царство мы обозначим также вполне определенным словом “истолкование” (Deuten), в отличие от объективирующего описания или объяснения (Erklären) или от субъективирующего понимания (Verstehen) действительности. Подобно всем остальным понятиям, к которым мы в конце концов пришли, развивая наше понятие о мире, и понятие смысла акта оценки не поддается более подробному определению» [2]. И опять же стремления Риккерта в принципе понятны, но сам механизм «истолкования» столь мало отличается от критикуемой этим автором «интуиции», что его практическое применение мыслится весьма и весьма сомнительным. Тем не менее кажется совершенно ясным, что речь здесь идет о реальности более высокого порядка, нежели объективный или субъективный миры, соответственно и познавательная процедура для нее должна быть более фундаментальной, а именно, такой, какая лежит в основе любого другого познания.

Феноменология как одно из наиболее влиятельных направлений в европейской философии XX в. восходит к теоретическим идеям немецкого философа Э. Гуссерля. В ранний период своего творчества Гуссерль видел задачу философии в теоретическом обосновании

самого научного подхода и, как следствие, в разработке внутренних критериев научности, в противоположность внешним, чисто формальным критериям, которые использовались в современных ему научных исследованиях. По мнению Гуссерля, набравшие тогда в науке силу тенденции подменяли подлинную научность наукообразностью, характерной для экспериментальной психологии, самой модной науки того времени. Как только психология, а точнее, «психологизм» начинает претендовать на роль всеобщего научно-методологического принципа, научный рационализм оказывается «подвешенным в пустоте». В самом деле, если исходным пунктом любого объяснения становится тезис о субъективной обусловленности содержания сознания, пусть даже это кантовский «трансцендентальный субъект», то научное знание оказывается зависящим от человека, пусть даже и опосредованно, через культуру.

Сейчас, после почти векового засилья конвенционализма в философии науки, мы можем лишь иронично пожать плечами: грустно, а что делать? Но математическая культура Гуссерля не давала ему морального права легко согласиться с подобным положением вещей. Он думал, что проблема обоснования подлинной научности связана с прояснением подлинных оснований логики и математики, которые виделись ему свободными от психологического влияния. Собственно, для этого и служила вводимая им процедура – феноменологический анализ: «Чистая феноменология представляет собой область нейтральных исследований, которая содержит в себе корни различных наук. С одной стороны, она служит психологии как эмпирической науке. Чистым и интуитивным методом она анализирует и описывает в сущностной всеобщности – в особенности как феноменология мышления и познания – переживание представлений, суждений, познаний, которые, поняты как классы реальных процессов во взаимосвязях живой и одушевленной природы, принадлежат предмету психологии как эмпирически-научному исследованию. С другой стороны, феноменология раскрывает “источники”, из которых “проистекают” основные понятия и идеальные законы чистой логики и к которым она снова должна быть обращена, чтобы придать им требуемую для теоретико-познавательного понимания чистой логики “ясность и отчетливость”» [3].

Довольно интересно мотивирует Гуссерль потребность в таком анализе. Так же как неокантианцы, он обосновывает необходимость новой научной и философской онтологии кризисным состоянием

современной ему науки, которое он связывает с глобальным кризисом метафизики: «Достижения позитивных наук неоспоримы. Но вопрос о возможности метафизики *eo ipso* (сам по себе) включает и вопрос о возможности фактических наук, которые лишь в неразрывном единстве с философией обретают свой соотносительный смысл – истин, соотносимых с отдельными областями сущего. *Если разорвать разум и сущее, то каким же образом познающий разум может определить, что есть сущее?*» [4].

Таким образом, утверждение о кризисе в науке – это не указание на ее практическую неэффективность, но утверждение об отсутствии явных онтологических оснований у современного научного знания. Не случайно в этой связи замечание о том, что данный кризис остро переживается лишь малой частью ученых. Те ученые, которые в своих исследованиях ориентируются прежде всего на эффективность в использовании их результатов, никакого кризиса просто не заметили. Поэтому о кризисе научного познания и науки в целом начинают говорить либо философы, к мнению которых в современной науке вообще редко прислушиваются, либо крупные теоретики, ощущающие, что почва выскользывает из-под ног. Однако отношение к пророчествам теоретиков в новоевропейской науке всегда было снисходительным, и на их мировоззренческие высказывания в лучшем случае смотрят как на безобидное чудачество. Тем не менее философы в отличие от представителей конкретных наук не могут закрыть глаза на фактическую «подвешенность» научных теорий и должны постараться подвести под них онтологическую базу. Поскольку речь идет о поисках «последних оснований», постольку главная цель как онтологии, так и гносеологии состоит в обнаружении некоей «очевидности», к которой конечным числом комбинаций можно свести всю полноту нашего опыта.

Указывая на *ego* как онтологическую основу, Гуссерль, тем не менее, дистанцируется от дедуктивных построений картезианского толка, когда из неких «врожденных идей», своего рода идеальных объектов выводится существование всего остального мира. *Ego* у Гуссерля выступает в своей обезличенной, редуцированной форме, как опыт трансцендентально-феноменологического самопознания, поэтому и подлинное обоснование познания может мыслиться как трансцендентальное обоснование.

Подобное мышление, анализируя внутреннюю структуру *ego*, т.е. субъекта в классическом смысле, фактически «выталкивает» нас

наружу, но не в предметный, чувственный мир, а в мир обрамляющий, горизонтный по отношению к индивидуальному *ego*. Так возникает крайняя проблематика философии Гуссерля, которая им тематизирована как проблема интерсубъективности и, в более широком смысле, как проблема «жизненного мира». Общеизвестно, что обращение к этим проблемам приводит феноменологию, которая первоначально мыслилась как философия научного (в хорошем смысле этого слова) познания, к весьма сомнительному соседству с теориями экзистенциалистского толка. В данном случае не идет речь о критике идей экзистенциализма в любом *ego* виде, а просто указывается на разительное различие первоначальных целей и достигнутых результатов.

Нужно заметить, что такая эволюция выглядит не вполне последовательным движением. Собственно говоря, переход к проблеме интерсубъективности первоначально вовсе не предполагал в качестве результата откат к позициям крайнего психологизма. Тем не менее именно здесь чаще всего видят истоки последующего движения феноменологии к крайнему субъективизму.

Наконец, в рамках третьего из новых фундаментальных онтологических проектов – неопозитивизма в качестве единого подхода выступала новая логика, основывающаяся на работах Г. Фреге, Б. Рассела и Л. Витгенштейна. В отличие от классической логики Аристотеля эта логика позиционирует себя как логика действительности, отражающая реальный мир, а не мир мыслительных концептов. Соответственно, новой логике должны сопутствовать новая эпистемология и онтология.

Бытие у неопозитивистов сводится к фактичности, которая так же далека от классической объектности или предметности, как и в двух случаях, рассмотренных нами выше. Правда, здесь ничего не говорится о субъекте и каком-то его особом онтологическом статусе, зато четко указывается способ мыслить себе факты – через объекты в их взаимосвязи. Способ связи объектов всегда является логическим отношением. В этом смысле логика оказывается априорной относительно и объекта и субъекта познания. Можно сказать, что логика одновременно становится онтологией. Причем, поскольку мышления вне языка не существует, логический анализ фактичности неизбежно оборачивается логическим анализом языка, а наша онтология – онтологией языка.

Неопозитивизм был нормальной попыткой построения новой онтологии (даже при условии, что такая задача им не ставилась специально) до того момента, пока в нем сохранялась установка на

тождественность структуры самой фактичности мира универсальной логической структуре. Отказавшись от этой установки, став инструментальным методом, способом структуризации и объяснения эмпирического материала, логический анализ ставит себя в положение частного (пусть даже и очень важного) способа тематизации исходной фактичности, которая для нас оказывается ограниченной рамками естественного языка. Иными словами, язык оказывается первичным по отношению к логике, и уже поэтому естественный язык играет роль онтологического горизонта.

Напомним, что все три новые онтологии в своем поиске до-предметного бытия приходят к некоей «области смыслов», которая должна быть рассмотрена как своего рода горизонт, где впоследствии возникает проблематика субъекта и объекта, предметности, т.е. сфера метафизики. Постулировав существование такой области, мы оказываемся в зоне трансцендентальных исследований, поскольку здесь проходит граница не только между предметным и до-предметным миром, но и между традиционной рациональностью, основанной на применении обычной логики понятий, и особым типом рациональности, который должен основываться на какой-то новой логике. Сама эта логика и становится главным препятствием на пути построения новой онтологии, поскольку дальше слов о необходимости ее создания дело чаще всего не идет, а все изыскания ограничиваются лишь возведением частотола из множества наукообразных и ни к чему не обязывающих фраз.

Фактически суть проблемы сводится к существованию очевидного зазора между внутренней логикой субъекта, которая переживается нами как сфера нашего личного Я, и тем способом, которым эти переживания только и могут быть нами осязаемы. Если проблематика Я и мира, являющегося миром индивида, может быть рассмотрена как проблематика порожденного, т.е. вторичного по отношению к нашему до-предметному бытию, то наш способ представления не может быть выведен ни из проблематики сознания, т.е. Я, ни из какой-либо другой области. Поэтому фактическая проблема до-предметного бытия, или проблема смысла, выходит за рамки проблем чистой эгологии, т.е. философии чистого Я. В этой связи далеко не случайным является пресловутый «лингвистический поворот» – обращение философии XX в. к проблемам языка. Здесь мы исходим из предположения, что эти проблемы лишь в малой

степени являются проблемами философии субъекта, но отсылают нас к более фундаментальным порождающим структурам, поскольку язык не создается субъектом (по крайней мере, он создается не так, как обычные творения). Но ведь именно язык, причем язык естественный, оказывается в конечном итоге единственным рациональным (пусть хотя бы рациональным в особом смысле) горизонтом исследования и у неокантианцев, и в неопозитивизме, и в феноменологии. Важность обращения к проблемам естественного языка в отличие от проблем языка собственно логического, искусственно созданного состоит в особом его статусе. Как нами уже отмечалось, язык сам по себе не является чьим-то сознательным или даже бессознательным творением в привычном смысле этого слова: я его не порождаю, он всегда уже есть к моменту рассмотрения.

Однако сосредоточение внимания исследователей на проблемах языка таит в себе, на наш взгляд, опасность некоторого «перекоса». Во-первых, стирается грань между философскими и собственно лингвистическими исследованиями со всеми вытекающими отсюда последствиями. Имеется в виду, что промежуток между этими дисциплинами начинает заполняться не универсальными исследованиями, а работами, которые по каким-то причинам не нашли отклика ни с той, ни с другой стороны. Раньше можно было просто указать на их недостаточную профессиональность, сейчас такие работы начинают претендовать на что-то глобальное. Понятно, почему это происходит: лингвисты думают, что это философия, а философы – что это лингвистика, поэтому обе стороны воздерживаются от критики. В результате появляется нечто весьма далекое и от того, и от другого, наукообразное по форме, но не несущее в себе никакого содержания.

Во-вторых, создается впечатление, что мы, указывая на над-индивидуальный характер языка, приписываем ему что-то подобное объективному существованию. Но ведь это результат, прямо противоположный тем целям, которые ставились перед нами с самого начала. Нет, конечно, никакого самостоятельного существования в объективном смысле, отдельно от человека, субъекта язык не имел, не имеет и не будет иметь. Поэтому исследования языка в контексте онтологии не являются, собственно говоря, лингвистическими в обычном смысле этого слова. Традиционная лингвистика как раз и исходит из представления об объективной природе языка

и обращается с ним как с обычным предметом исследования. Здесь язык – уже всегда конкретный язык, нечто сконструированное, вещественно данное. Это не удивительно, ведь лингвистика не является основной (в философском смысле) наукой. В рамках же онтологических исследований такой подход, конечно, неприменим.

Возможно, придать новый импульс исследованиям в области онтологии помогли бы отказ от использования термина «язык» как понятия, уже используемого существующей научной традицией, и замена его каким-то нейтральным термином. Нам представляется, что на эту роль вполне могло бы претендовать понятие «социальная онтология». Здесь слово «социальный» указывает, с одной стороны, на то, что онтология такого типа дистанцируется от физикалистского «объективизма» в любом смысле этого слова, т.е. имеет антиметафизический характер. С другой стороны, такую онтологию невозможно обвинить в эгологическом солипсизме, т.е. предъявить к ней претензии, которые неоднократно высказывались по отношению к феноменологии и неокантианской философии. Наконец, сделав социальность горизонтом онтологии любого рода, мы преодолеваем ограниченность лингвистического подхода и делаем возможным рассмотрение проблем региональных онтологий в более универсальном контексте.

Иными словами, наш поиск сферы до-предметного бытия приводит нас к постановке проблемы социальности как исходной онтологической структуры. Такая структура может быть тематизирована в более узкие онтологии как действительность (в неокантианском смысле), язык (у неопозитивистов), история (у Хайдеггера и экзистенциалистов), традиция (в герменевтике Гадамера) и еще в тысячи других региональных онтологий. Заметим, что применение подобного подхода позволяет объединить под одной крышей целый комплекс исследований, традиционно относившихся к самым разным областям философии.

Примечания

1. Риккерт Г. О понятии философии // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. – С. 34–35.
2. Там же. – С. 35.

3. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II: Исследования по феноменологии и теории познания // Гуссерль Э. Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2005. – С. 78–79.

4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Гуссерль Э. Логические исследования. – Минск: Харвест; Москва: АСТ, 2000. – С. 554.

Хакасский государственный
университет, г. Абакан

Chistanov, M.N. Linguistic turn as reflection of the crisis in ontology

The paper proves the thesis that search of the pre-object being field results in posing the problem of sociality as an initial ontological structure. One may present such a structure as more narrow ontologies – reality, language, history, tradition, etc. In the author's view, the use of such approach makes possible to cluster together a whole complex of studies which traditionally related to quite different fields in philosophy.